

ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ И ФОТОГРАФИЯХ

Архив ИИМН
Фонд № _____
Арх. № _____ лист

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR THE HISTORY OF MATERIAL CULTURE**

Monuments of archaeology in studies and photographs

(in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya)

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях

(памяти Галины Вацлавны Длужневской)

УДК 902/904
ББК 63.4

Утверждено к печати Ученым советом
ИИМК РАН

Approved for printing by the Scientific Council
of the Institute for the History of Material Culture RAS

Редколлегия:

М. В. Медведева, Н. Ю. Смирнов (отв. редактор),
Н. А. Лазаревская (отв. секретарь),
Д. Г. Савинов, В. Н. Седых, М. Т. Кашуба

Editorial Board:

M. V. Medvedeva, N. Yu. Smirnov (Managing Editor),
N. A. Lazarevskaya (Managing Secretary), D. G. Savinov,
V. N. Sedykh, M. T. Kashuba

Рецензенты:

д.и.н. Ю. А. Виноградов, д.и.н. В. А. Лапшин

Reviewers:

Dr. of History Yu. A. Vinogradov, Dr. of History V. A. Lapshin

Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). Сборник научных статей. — Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 2018. — 328 с. : ил.

Monuments of archaeology in studies and photographs (in the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya). Collection of scientific papers. — Saint Petersburg: IHMC RAS, 2018. — 328 pages : il.

ISBN 978-5-907053-08-3

Сборник посвящен памяти известного российского археолога, доктора исторических наук, зав. Научным архивом ИИМК РАН Галины Вацлавны Длужневской (1946–2014). Памяти Г. В. Длужневской было посвящено специальное открытое заседание Ученого Совета ИИМК РАН (23 марта 2016 г.), собравшее полный зал участников, друзей и коллег Галины Вацлавны. Дальнейшим развитием этой благородной акции должно стать издание настоящего сборника, освещающего основные стороны многогранной научной и организационной деятельности Г. В. Длужневской. В творческой судьбе Галины Вацлавны отчетливо выделяются два периода. Первый — многолетние полевые исследования в Туве (ныне Республика Тыва), специальное изучение археологических памятников енисейских кыргызов в этнокультурной истории Центральной Азии и Сибири. Второй — активная творческая деятельность по руководству Научным архивом ИИМК РАН, изучение и популяризация фотографии как важнейшего вида археологических источников. Тот и другой периоды достаточно полно представлены в материалах настоящего Сборника, композиционно состоящего из трех частей. Часть I (меморативная) — воспоминания друзей и коллег о жизни и деятельности Галины Вацлавны, часть II посвящена проблемам археологии Центральной Азии и Сибири, в части III рассмотрены вопросы историографии и изучения фотографии как археологического источника. Публикация сборника — дань памяти Галине Вацлавне Длужневской, отдавшей 50 лет своей жизни и активной творческой деятельности Институту (ЛЮИА АН СССР — ИИМК РАН).

The collection is dedicated to the memory of the prominent Russian archaeologist, Director of the Scientific Archives of IHMC RAS, Dr. of History Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014). To the memory of G. V. Dluzhnevskaya, a special broadened session of the Scientific Council of IHMC RAS was dedicated (March 23, 2016) which assembled the full audience of the participants — friends and colleagues of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya. This noble action was further continued in the publication of the present collection covering the main aspects of the many-sided scientific and organizational activities of G. V. Dluzhnevskaya. Two periods are clearly definable in the creative biography of Dluzhnevskaya. The first comprises field investigations of many years in Tuva (now the Republic of Tyva) devoted to special studies of archaeological sites of the Yenisey Kyrgyzes as part of the ethnocultural history of Central Asia and Siberia. The second period is concerned with the extensive creative activities at the Scientific Archives of IHMC RAS, studying and popularization of photography as a very important group of archaeological sources. The two periods both are fairly well represented among the materials of the present collection consisting compositionally of three parts. Part I (memorial) includes reminiscences of friends and colleagues about the life and scientific studies of G. V. Dluzhnevskaya. Part II is dedicated to problems of archaeology of Central Asia and Siberia. Part III discusses questions of historiography and consideration of photography as an archaeological source. This publication is a tribute to the memory of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya, who had devoted 50 years of her life and active creative activities to the Institute (Leningrad Branch of the Institute of Archaeology AS USSR — Institute for the History of Material Culture RAS).

© Институт истории материальной культуры РАН, 2018
Institute for the History of Material Culture RAS, 2018

© Авторы статей (фамилии выделены в содержании), 2018
Authors of the papers (names are marked in the contents), 2018

ISBN 978-5-907053-08-3

Содержание

Список опубликованных научных работ Галины Вацлавны Длужневской (Л. М. Всевиов, М. В. Медведева)	9
Биография Г. В. Длужневской в фотографиях	20
С. И. Сергеев. Живописные работы тувинского цикла	24
ЧАСТЬ I. Друзья и коллеги о Галине Вацлавне Длужневской	30
Е. В. Бобровская, Т. А. Ершова, Н. А. Лазаревская, М. В. Медведева. Галина Вацлавна Длужневская (1946–2014). Научно-исследовательская деятельность и документальное наследие	30
С. Н. Астахов. Сквозь тернии к звездам	35
Б. Б. Овчинникова. С уважением, любовью и благодарностью... ..	38
Вл. А. Семенов. Галина Вацлавна Длужневская в Саянском каньоне Енисея	41
С. А. Васильев. Несколько слов о Гале Длужневской	45
А. В. Субботин. Мои воспоминания о Г. В. Длужневской	47
Л. А. Чиндина. Благодарю, что по судьбе прошла... ..	51
А. О. Машезерская. Архив возможных отношений	56
А. В. Максимова. Совместные проекты Фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской академии наук и Государственного музейно-выставочного центра РОСФОТО	58
Д. Д. Васильев, Г. В. Длужневская (†). Крымский альбом, изданный в Турции	63
ЧАСТЬ II. Археология Центральной Азии и Южной Сибири	69
Д. Г. Савинов. Окуневские изваяния Усть-Есинская Кыс-Таш и Ар-Хая (опыт источниковедческого анализа)	69
К. В. Чугунов. Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников	79
М. Е. Килуновская. Новые материалы по монгун-тайгинской культуре Тувы	86
А. А. Ковалев. Захоронения оленных камней в подкурганых могилах Синьцзяна — новый аргумент в пользу синьцзянского происхождения европейских изваяний предскифского периода	96
М. А. Дэвлет, Е. Г. Дэвлет (†). Петроглифы левобережья р. Чинге. Гора Устю-Мозага	104
М. Н. Пшеницына. Золотые украшения из кургана 2 в могильнике Новомихайловка I на юге Хакасии	113
С. В. Хаврин. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия)	117
В. А. Кисель. Женский ритуальный костюм в древней кочевой культуре Тувы	120
С. В. Красниенко. География археологических памятников Назаровской котловины	128
С. В. Панкова. Косы из погребения 4 Оглахтинского могильника	132
Т. Р. Садыков. Новые данные о городище кокзельской культуры Катылыг 5 в Туве	140
П. М. Леус. Монета «чан пин у шу» 553 года из могильника Терезин в Туве	145

<i>Б. Б. Овчинникова. Могильник Аймырлыг 2 — наследие енисейских кыргызов Центральной Тувы</i>	149
<i>Г. Г. Король. Декор ременной гарнитуры енисейских кыргызов Тувы и исследования Г. В. Длужневской</i>	156
<i>В. А. Завьялов. От Саянского каньона до истоков Енисея (к вопросу о строительстве и локализации уйгурских крепостей)</i>	163
<i>В. И. Распопова. Войлок и мех в живописи Пенджикента</i>	168
<i>А. И. Торгоев, Д. В. Лужанский. Средневековый могильник Сары-Жолга на оз. Иссык-Куль</i>	178
ЧАСТЬ III. История науки в документах и фотографиях	185
<i>И. Л. Тихонов. О роли фотографии в изучении истории археологии</i>	185
<i>Е. В. Бархатова. Приглашение в Сибирь: ранний фотопроjekt книгопродавца Карла Рикерра</i>	194
<i>М. Д. Бухарин, И. В. Тункина. «...Мне пришлось видеть много людей разных вер и наций...»: Письмо В. М. Успенского Д. А. Клеменцу</i>	200
<i>Л. Ю. Китова, Л. Ю. Боброва. Археологическая деятельность С. К. Кузнецова в Сибири</i>	205
<i>Е. Ю. Захарова. Археологические занятия барона Дмитрия Оттоновича Шеппинга на Воронежской земле</i>	212
<i>В. А. Алёшкин. Парижские университеты А. А. Миллера и его контакты во Франции с Ф. К. Волковым (1901–1905)</i>	219
<i>Н. Ю. Смирнов, П. Г. Гайдуков. Переписка из двух столиц: 1917 год в письмах А. В. Орешникова к В. В. Латышеву</i>	227
<i>А. Е. Мусин. Императорская археологическая комиссия и Польша: материалы по истории церкви Благовещения в Супрасле в архиве Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге</i>	240
<i>Н. Д. Моисеева. Поездка Петра Петровича Покрышкина в Сербию. Фотографии и открытые письма</i>	264
<i>В. Н. Седых. Из истории археологического изучения Ярославских могильников в дореволюционный период (по материалам НА ИИМК РАН)</i>	270
<i>С. В. Белецкий. Незвестные фотографии Пскова 1946 года</i>	280
<i>Н. И. Платонова. Исследования в области археологической технологии в РАИМК/ГАИМК (1920–1930-е годы)</i>	285
<i>О. М. Мельникова. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани: на переломе исторических эпох (1917–1921 гг.)</i>	294
<i>В. С. Соболев. «Приходно-расходная тетрадь» И. Г. Бакмейстера как источник по истории Кунсткамеры. 1776–1783 гг.</i>	300
<i>В. А. Прищепова. Белуджи, джемшиды, хазарейцы Туркмении в фотоколлекциях 1920-х гг.</i>	303
<i>А. Н. Бессуднов. Страницы истории верхнедонской археологии (по материалам полевых дневников В. П. Левенка)</i>	313
Н. Ю. Смирнов. От степных кочевий — к обретенным храмам... Послесловие редактора	318
Список сокращений	322

Contents

List of published scientific works of Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (<i>L. M. Vsevirov, M. V. Medvedeva</i>)	9
Biography by Galina V. Dluzhnevskaya in photos	20
S. I. Sergeev. Paintings of the Tuva cycle	24
PART I. Friends and colleagues about Galina Vatslavna Dluzhnevskaya	30
<i>E. V. Bobrovskaya, T. A. Ershova, N. A. Lazarevskaya, M. V. Medvedeva. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya (1946–2014).</i> Scientific research activities and the documentary heritage	30
<i>S. N. Astakhov. Per aspera ad astra</i>	35
<i>B. B. Ovchinnikova. With esteem, love and gratitude...</i>	38
<i>Vl. A. Semenov. Galina Vatslavna Dluzhnevskaya in the Sayan Canyon of the Yenisey</i>	41
<i>S. A. Vasil'yev. A few words about Galina Dluzhnevskaya</i>	45
<i>A. V. Subbotin. My recollections about G. V. Dluzhnevskaya</i>	47
<i>L. A. Chindina. I am thankful for having passed via my fate...</i>	51
<i>A. O. Mashezerskaya. Archives of possible relations</i>	56
<i>A. V. Maksimova. Joint projects of the Photographic Department of the Scientific Archives of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences and the State Museum Exposition Centre ROSFOTO</i>	58
<i>D. D. Vasil'yev, G. V. Dluzhnevskaya (†). The Crimean album published in Turkey</i>	63
PART II. Archeology of Central Asia and South Siberia	69
<i>D. G. Savinov. Ust-Yesinskaya Kys-Tash and Ar-Khaya Okunevo sculptures (an essay on source study analysis)</i>	69
<i>K. V. Chugunov. Central Asia on the eve of the Early Nomad Period</i>	79
<i>M. E. Kilunovskaya. New evidence on the Mongun-Tayga culture of Tuva</i>	86
<i>A. A. Kovalev. Burials of deer stones in sub-kurgan graves in Xinjiang as a new argument in favour of the Xinjiang origin of European sculptures of the pre-Scythian period</i>	96
<i>M. A. Devlet, E. G. Devlet (†). Petroglyphs from the left bank of the Chinge River. Mt. Ustyū-Mozaga</i>	104
<i>M. N. Pshenitsyna. Gold ornaments from the barrow 2 in the cemetery of Novomikhaylovka I in southern Khakassia</i>	113
<i>S. V. Khavrin. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia)</i>	117
<i>V. A. Kisel'. Female ritual costume in the ancient nomadic culture of Tuva</i>	120
<i>S. V. Krasnienko. Geography of archaeological sites in the Nazarov Depression</i>	128
<i>S. V. Pankova. Plaits from burial 4 at the Oglakhty cemetery</i>	132
<i>T. R. Sadykov. New evidence on the fortified site of Katylyg 5 of the Kokel culture in Tuva</i>	140
<i>P. M. Leus. 'Chang Ping Wu Zhu' coin of 553 AD from the cemetery of Terezin in Tuva</i>	145

<i>B. B. Ovchinnikova.</i> Cemetery of Aymyrlyg 2 — heritage of Yenisei Kyrgyzs of Central Tuva	149
<i>G. G. Korol.</i> The décor of strap mounts of the Yenisey Kyrgyzs of Tuva and studies of Galina V. Dluzhnevskaya	156
<i>V. A. Zav'yalov.</i> From the Sayan Canyon to the sources of the Yenisey (the problem of building and localization of Uigur fortresses)	163
<i>V. I. Raspopova.</i> Felt and fur in the paintings of Panjakent	168
<i>A. I. Torgoev, D. V. Luzhanskiy.</i> Mediaeval cemetery of Sary-Zholga on Lake Issyk-Kul	178
PART III. The history of science in documents and photographs	185
<i>I. L. Tikhonov.</i> Role of photography in studies of the history of archaeology	185
<i>E. V. Barkhatova.</i> Invitation to Siberia: an earlier photoproject of the bookseller Carl Ricker	194
<i>M. D. Bukharin, I. V. Tunkina.</i> "...I happened to meet many persons of different faiths and nations...". A letter of V. M. Uspenskiy to D. A. Clementz	200
<i>L. Yu. Kitova, L. Yu. Bobrova.</i> Archaeological activities of S. K. Kuznetsov in Siberia	205
<i>E. Yu. Zakharova.</i> Archaeological ardours of Baron Dmitriy Ottonovich Shepping in the Voronezhland	212
<i>V. A. Alyokshin.</i> Parisian universities of A. A. Miller and his contacts with F. K. Volkov in France (1901–1905)	219
<i>N. Yu. Smirnov, P. G. Gaydukov.</i> Correspondence from two capitals: 1917 in letters of A. V. Oreshnikov to V. V. Latyshev	227
<i>A. E. Musin.</i> The Imperial archaeological commission in Russia and Poland: information on the history on the Church of the Annunciation of the Mother of God, Supraśl, in the archives of the Institute of the History for Material Culture, Russian Academy of Sciences, in Saint-Petersburg	240
<i>N. D. Moiseeva.</i> Petr Petrovich Pokryshkin's trip to Serbia. Photographs and postcards	264
<i>V. N. Sedykh.</i> A point of the history of archaeological studies of Yaroslavl burial grounds in the pre-revolutionary period (after materials of the Scientific Archives of IIMK RAS)	270
<i>S. V. Beletskiy.</i> Unknown photographs of Pskov of 1946	280
<i>N. I. Platonova.</i> Studies in the sphere of archaeological technology in RAIMK/GAIMK (1920–1930s)	285
<i>O. M. Mel'nikova.</i> North-Eastern Archaeological and Ethnographical Institute in Kazan: at the turning point of historical epochs (1917–1921)	294
<i>V. S. Sobolev.</i> 'Receipt/housekeeping notebook' of I. G. Bacmeister as a source on the history of the Kunstkammer. 1776–1783	300
<i>V. A. Prishchepova.</i> Baluchis, Jemshids, Khazareis of Turkmenia in photographic collections of the 1920s	303
<i>A. N. Bessudnov.</i> Pages of the history of the Upper Don archaeology (Materials from the field journal of V. P. Levenok)	313
N. Yu. Smirnov. From steppe nomads' camps to temples gained... Afterword of the editor	318
List of Abbreviations	322

К. В. Чугунов¹

Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников

Ключевые слова: эпоха поздней бронзы, Центральная Азия, культурные импульсы, дифференциация культур, хронология, субстрат.

Keywords: Late Bronze Age, Central Asia, cultural impulses, differentiation of cultures, chronology, substrate.

doi.org/10.31600/978-5-907053-08-3-2018-79-85

Эпоха поздней бронзы в Туве и Центральной Азии в целом продолжает оставаться одним из наименее изученных периодов, несмотря на неоднократные попытки осмысления этого круга древностей. В конце 1980-х гг., во многом благодаря беседам с Г. В. Длужневской, автором был проведен анализ по формальным признакам и первичная систематизация всех имевшихся к тому времени материалов по так называемым курганам монгун-тайгинского типа (Чугунов, 1994. С. 43–53). Представленная схема эволюционного развития этих безынвентарных памятников, выделенных в отдельный тип А. Д. Грачом (Грач, 1971. С. 93–106), была призвана, с одной стороны, дифференцировать весь их обширный массив, с другой — высказать соображения об относительной хронологии отдельных типов сооружений. В рамках этого исследования, как представляется, удалось показать синхронность некоторых захоронений в цистах на горизонте кургана Аржан-1, обозначив их отличие от курганов монгун-тайгинского типа с вытянутыми на бок скелетами и сильно скорченной позой погребенного (Чугунов, 1992а. С. 31–33; 1992б. С. 78–79; 1994. С. 43–53). Ранее Л. Р. Кызласов справедливо синхронизировал с Аржаном-1 исследованный им могильник Шанчиг (Кызласов, 1977. С. 69–86), после чего этот пласт памятников вошел в науку как курганы шанчигского типа. Между тем отнесение им к культуре скифского времени Тувы ряда памятников, в которых зафиксированы погребения на боку или на спине в узких ямах или цистах на горизонте (Кызласов, 1979. С. 41–47), тогда вызвало возражения, так как большинство этих комплексов явно тяготеют к монгун-тайгинской традиции.

Исследователи касались отдельных аспектов изучения безынвентарных курганов монгун-тайгинского типа, в основном, в связи с рассмотрением культуры эпохи ранних кочевников Тувы и акцентировали внимание на участии предшествующего компонента в ее форми-

ровании (Савинов, 2002. С. 13–16). В целом такое участие констатируется именно как субстратная основа (Семенов, Чугунов, 1987. С. 73–76; Семенов, 2000. С. 134–157), при этом подчеркивается, что традиция погребального обряда монгун-тайгинского типа «не была принесена откуда-то извне, а формировалась постепенно в среде многочисленного местного населения на протяжении всей эпохи бронзы» (Савинов, 2002. С. 16). Этот вопрос требует специального более подробного рассмотрения с учетом вновь открытых комплексов и последних исследований.

Благодаря тому, что в Туве и вблизи ее границ в последние годы проводятся широкомасштабные раскопки в зонах новостроек и результаты их довольно быстро вводятся в научный оборот, база источников по курганам монгун-тайгинского типа значительно выросла (Килуновская, 2014. С. 88; Килуновская и др., 2015. С. 193–194, рис. 6; 7; Амзараков и др., 2015. С. 72–83). Еще более важны для изучения эпохи бронзы в регионе результаты раскопок последних лет в Монголии. Здесь исследованы памятники разных типов и для них получены радиоуглеродные даты, позволившие предложить колонную секвенцию археологических культур на этой ключевой территории, до недавнего времени чрезвычайно слабо изученной (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 104–117; 2014. С. 194–225). На юго-западе Монголии выделена байтагская культура XII–X вв. до н. э., материалы которой ассоциируются с древностями Среднего Енисея. Предполагается, что основной ареал ее расположен на территории Китайского Алтая. Авторы исследований относят к монгун-тайгинской культуре исследованные ими в пределах одних могильников памятники, которые характеризуются как насыпи-платформы с крепидой, содержащие скелеты погребенных, уложенных вытянуто на бок в ямах или низких цистах на горизонте (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010. С. 106). Для таких комплексов по костям погребенных получена суммарная радиоуглеродная дата (по семи определениям), расположенная в интервале 1210–1010 cal BC. Отмечено, что в Монгольском Алтае курганы с цистами на горизонте, вероятно, появляются несколько ранее, так как здесь

¹ 190000 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34.
Государственный Эрмитаж. Отдел археологии Восточной Европы
и Сибири. Адрес электронной почты: chugunovk@mail.ru.

одна из дат показала значение 1620–1200 cal BC. Авторами предполагается общий временной интервал культуры с XIV по XI в. до н. э. Из всего массива памятников, которые принято именовать херексурами, исследователями выделены курганы с трапециевидной оградой-крепидой и крупными камнями в ее углах. Они также содержат невысокие цисты в центре, однако погребальная поза захороненных в них людей не установлена. Наблюдения за топографией их расположения, по мнению авторов, позволяют предполагать более поздний возраст таких сооружений по отношению к монгун-тайгинским курганам. Курганы с высокими цистами, связанные с оленными камнями, относятся уже к раннему железному веку. Именно у этих памятников зачастую фиксируются радиальные выкладки, соединяющие внешнюю ограду и наземное сооружение в центре. Херексур такого типа Хар Говь, исследованный на западе Монголии, датирован радиоуглеродным методом временным интервалом 1200–750 лет до н. э. (Там же. С. 110).

Таким образом, в эпоху поздней бронзы в Монголии выявляется довольно мозаичная картина, которая предполагает сосуществование на определенном этапе различных культурных традиций. Представляется, что в это время горные долины Верхнего Енисея были периферийной зоной этого круга культур. Вместе с тем постулируемая авторами исследований последовательность культур в Монголии едва ли может быть прямо перенесена на древности Тувы. Не исключено, что проникновение сюда каких-то отдельных скотоводческих групп населения из разных регионов Монголии могло происходить как в разное время, так и одновременно. Соответственно, и хронология памятников разных типов может как соответствовать монгольской секвенции культур, так и быть обратной. Кроме того, в условиях горных ландшафтов небольшие по численности и различные по происхождению популяции должны быть более подвержены культурному синтезу, в результате которого могли вырабатываться новые традиции, нашедшие отражение в памятниках иного типа по отношению к исходным центрам. Поэтому утверждение, высказанное исследователями, что в Туве не прослежены при раскопках некоторые особенности наземных конструкций, зафиксированные в Монголии, не имеет серьезных оснований. Во всяком случае, каменные «платформы», характерные для сооружений монгольского варианта монгун-тайгинской культуры, отсутствовали в могильниках Бай-Даг III и Торгалыг II, где исследованы узкие могильные ямы с погребенными на боку (Семенов, 2000.

С. 134–157). Важно, что именно в таких комплексах, несмотря на безынвентарность подавляющего их большинства, все же найдены артефакты, сопоставимые с предметным комплексом карасукской культуры — наконечники стрел из кремня и кости, бронзовые кольца в 1,5 оборота.

В этом же ряду следует рассматривать и вновь открытые памятники иджимского типа, давшие еще более представительные материалы. Думаю, что предложенная узкая дата комплекса кургана 7 могильника Саяны-Пограничное-4 — вторая половина IX в. до н. э. (Амзараков и др., 2015. С. 79) — несколько завышена. Аргументы, которые приводят авторы для ее обоснования, основаны на дате баиновских комплексов (анalogии ножу) и на дате кургана Аржан-1 — рубеж IX–VIII вв. до н. э. (по аналогиям псалям и наконечнику стрелы). Представляется, что они не бесспорны. Авторы справедливо отмечают отсутствие вещей, подобных найденным, в комплексе кургана Аржан-1 и констатируют более ранний возраст исследованного погребения. Однако представляется, что чрезвычайно монолитный в типологическом отношении материальный комплекс, отраженный в Аржане-1, уже сложился во второй половине IX в. до н. э., иначе несомненно включал бы какие-то архаичные экземпляры стрел или узды. Скорей всего, курган 7 могильника Саяны-Пограничное-4 должен датироваться несколько более ранним временем, возможно, в пределах X — начала IX в. до н. э. На эту дату указывает и бронзовый листовидный наконечник стрелы с максимальной шириной в нижней части. Нельзя согласиться с утверждением, что этот тип стрел тяготеет к форме стрел Аржана-1. Такая форма характерна, в частности, для изделий из памятников бегазы-дандыбаевской культуры (Бейсенов и др., 2014. Фото 31). Показательно, что в комплексах финала эпохи бронзы и переходного времени представлены наконечники других типов — с узкими лопастями или листовидные с шипом (Кызласов, Маргулан, 1950. С. 126–136; Ермолаева, 2012. Рис. 61), хотя надо признать, что типологическое развитие стрелкового набора для этого периода нуждается в уточнении и специальной разработке. Что касается аналогий ножу, то надо учитывать, что баиновский пласт памятников, где находятся наибольшие соответствия, вероятно, возник в результате внешнего культурного импульса. По мнению исследователей эпохи поздней бронзы Хакасско-Минусинской котловины, такие импульсы фиксируются несколько раз — в конце первого этапа и в начале четвертого (баиновского) этапа развития культуры

(Лазаретов, Поляков, 2008. С. 50–53; Поляков, 2013. С. 413). Предполагается, что исходная территория инноваций может быть связана только с юго-восточными областями. Соответственно, новые для населения Среднего Енисея типы изделий на этих исходных территориях могут датироваться несколько ранее. Кроме того, погребальная поза, зафиксированная в могильнике Саяны-Пограничное-4, типична как раз для ранних этапов карасукской культуры, а не для байновского этапа (Амзараков и др., 2015. С. 72–83; Поляков, 2009. С. 40–43). Особое положение погребенного «на боку влоборота», абсолютно доминирующее на двух первых этапах, исчезает уже в конце третьего (лугавского), сменяясь погребальной позой на спине (Поляков, 2009. С. 43, табл. 1). Таким образом, захоронение на Иджиме демонстрирует какие-то контакты населения горно-таежных областей Саян с племенами, обитавшими к северу от гор.

Важно, что обратная ситуация зафиксирована в некрополях карасукской культуры, где небольшая по количеству группа захоронений на боку (вариант Б, по А. В. Полякову) сопровождается керамикой, которая «по сумме признаков очень близка к посуде саргары-алексеевских памятников» (Там же. С. 41). Выделенная группа «атипичной» керамики, помимо нехарактерной для карасукской культуры орнаментации, включает значительный процент присутствия налепных или формованных валиков. Кроме того, исследователи констатируют парадоксальный с их точки зрения факт, что появление такой керамики в конце первого этапа сопровождается новыми категориями бронзовых изделий, происхождение которых можно связать, с одной стороны, «с наследием андроновской культурно-исторической общности», с другой — «с центрально-азиатским регионом» (Лазаретов, Поляков, 2008. С. 50). Одним из объяснений этого парадокса они считают возможную миграцию какой-то группы пост-андроновских племен (носителей саргаринско-алексеевских традиций) на Средний Енисей с юга, через Туву (Там же. С. 51). Такая трактовка вполне согласуется с предложенной концепцией формирования ранних кочевых культур на территории Саяно-Алтая (Чугунов, 2015. С. 457–486), но показывает, что миграционные импульсы сейчас можно датировать несколько более ранним временем.

Еще в 2002 г. в качестве гипотезы было высказано предположение об отождествлении племен, оставших херексуры Монголии, с носителями индоиранских традиций, связываемых с андроновской культурно-исторической общностью (Чугунов, 2002. С. 142–149).

Основанное на диахронном распространении ремисценций радиальной планировки в памятниках эпохи бронзы и раннего железа, оно, казалось бы, вступает в противоречие с новыми датировками херексурсов с лучевыми выкладками, которые отнесены к эпохе раннего железа. Однако дата херексура Хар Говь, приведенная выше, не исключает отнесение его и к концу II тыс. до н. э., что допускает существование традиции таких сооружений еще в эпоху поздней бронзы. Северная граница таких херексурсов проходит по хребту Танну-ола на юге Тувы. Курганы с высокими цистами, распространенные севернее, могут являться результатом влияния этой традиции и датироваться как синхронно, так и более поздним временем. Вероятно, следует согласиться с тем, что объединять их с другими типами курганов монгун-тайгинской культуры нельзя, но правомерно предположить, что такие сооружения могут являться результатом синтеза традиций, с одной стороны, восходящих к ней, с другой — к херексурам Центральной Монголии. На такую возможность указывает и то, что в центральных аймаках Монголии сейчас исследованы и типичные монгун-тайгинские памятники с захоронениями на боку, что предполагает сосуществование здесь двух традиций (Цыбиктаров, 2003. С. 173–176). Впрочем, следует учесть, что в конце II тыс. до н. э. могло происходить (и, вероятно, происходило) изменение ареалов различных популяций — они могли как увеличиваться, так и уменьшаться. На современном этапе изучения древностей эпохи бронзы Монголии такие изменения пока уловить невозможно, и все выводы могут быть только гипотетичными. Определенно можно утверждать лишь то, что все эти процессы, безусловно, оказывали существенное влияние на формирование культурного облика населения Тувы и, вероятно, Хакасско-Минусинской котловины.

Важно также отметить, что к югу от этого, пока еще слабо дифференцированного, пласта культур уже в середине II тыс. до н. э. функционировал мощный цивилизационный центр шанского Китая. Предполагается, что территория Монголии служила ретранслятором некоторых новаций оттуда, зафиксированных в памятниках Саяно-Алтая. К таковым относят ряд категорий бронзовых ножей и «модели ярма» в карасукских и лугавских комплексах. Как указано выше, впервые импульс с юго-востока проявляется уже в конце первого этапа карасукской культуры, то есть, по китайской хронологической шкале, не позже XIII в. до н. э. (Поляков, Святко, 2009. С. 34). Вместе с тем само сложение культуры эпохи Шан, по мнению

исследователей, происходило под воздействием носителей сейминско-турбинских металлургических традиций, которые проникли на центральную равнину Китая с севера. В культурах Западной Сибири комплексы с находками бронз сейминско-турбинского круга сейчас датируются концом III тыс. до н. э. (Молодин, 2015. С. 105). Локализация исходного ядра этого транскультурного феномена до конца не выяснена, но предположительно связывается с доандроновским населением Алтая с его богатой рудной базой и с территорией Синьцзяна (Черных, Кузьминых, 1989; Черных, 2013. С. 283). Соответственно, племена, в андроновскую и постандроновскую эпоху населявшие регионы, непосредственно прилегающие к монгольскому и китайскому Алтаю, могли быть генетически связаны с этим первым импульсом. Основной путь этой миграции, имевшей место в первой половине II тыс. до н. э., вероятно проходил по традиционной и для более позднего времени природной горно-степной «магистральной» вдоль юго-западных отрогов Алтая. Находки эпохи бронзы, известные в этом регионе (Бехтер, Хаврин, 2002. С. 73–78), прямо указывают на присутствие здесь носителей культур степной Евразии в период становления древнекитайской цивилизации. Не углубляясь в эту чрезвычайно сложную проблематику, выходящую за рамки данной работы, замечу, что декларируемое А. А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром участие в процессе трансляции традиций металлообработки из Западной Сибири в Китай выделенной ими в Монголии мунх-хайрханской культуры эпохи развитой бронзы (Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014. С. 222) нуждается в дополнительной аргументации. Связь ее материального комплекса с кругом сейминско-турбинских бронз позиционируется авторами на основании находки бесчеренкового ножа в кладе из Верхней Мульги вместе с копьем и кельтом. Такие ножи с треугольным сечением по всей длине, по мнению исследователей, являются своеобразными маркерами влияния носителей мунх-хайрханских традиций на культуры Севера и Северо-Запада Китая (Там же. С. 217–221). Представляется, что для такого вывода недостаточно одной довольно простой и весьма вариативной категории предметов, распространенных, как показано в статье, очень широко. Признак, по которому они объединены (треугольное сечение по всей длине), можно встретить и в другом контексте. Например, на поселении Мыльниково, датированном всем комплексом находок переходным периодом к эпохе раннего железа, имеется нож, соответствующий таким параметрам (Патин, Шамшин, 2005. С. 136, рис. 10, 4). Кроме того, если будет подтверждено, что эта культура оставлена носителями монголоидного

антропологического типа², едва ли возможно отвести ей роль транслятора андроновских традиций. Во всяком случае, необходимы дальнейшие исследования этого культурного образования, в том числе и методами традиционной краниометрии.

Обобщение антропологических исследований на территории Западной Сибири с включением известных данных из памятников Саяно-Алтая для древних популяций эпох неолита — раннего железа было проведено Т. А. Чикишевой (Чикишева, 2012). Анализ обширного материала позволил ей выделить в качестве самостоятельного таксона высокого уровня особую южную евразийскую антропологическую формацию, характеризующуюся своеобразной европеоидно-монголоидной промежуточностью расовых признаков (Там же. С. 180). Эта формация выступает субстратной основой населения на чрезвычайно обширной территории, обеспечивая физическое сходство древних популяций на протяжении длительного времени. На этом фоне уверенно фиксируется миграционный импульс носителей андроновской культуры, который проходил с территории Казахстана по югу Западной Сибири до Енисея, вовлекая в сферу своего влияния другие культурные образования. В частности, прослеживается и бегазы-дандыбаевский компонент (Там же. С. 181).

В более ранней работе, посвященной антропологическому составу ранних кочевников Тувы, Т. А. Чикишева (2008. С. 120–139) пришла к нескольким важным выводам, которые имеют большое значение и для понимания предшествующего периода. Сравнительный анализ краниологических серий из Тувы показал разный антропологический субстрат у населения, оставившего алды-бельскую и уюкско-саглыную культуру, что, казалось бы, является окончательным аргументом в решении вопроса последовательной смены населения в середине скифского времени. Однако наиболее близкой в антропологическом отношении группой для более поздней серии из уюкско-саглыных памятников является серия черепов из курганов монгун-тайгинской культуры (Там же. С. 135–137). Это позволяет рассмотреть вклад населения Тувы предскифского времени в формирование раннекочевнических культурных комплексов несколько под другим углом. Получается, что субстратное население, практиковавшее безынвентарный погребальный обряд в наземных цистах, могло сосуществовать с носителя-

² По информации из доклада А. А. Ковалева на заседании Отдела археологии Центральной Азии и Кавказа в ИИМК от 26.02.2016 г. немногочисленные антропологические материалы из мунх-хайрханских погребений были проанализированы генетиками, которые сделали такой вывод.

ми алды-бельской культуры на протяжении всего раннескифского времени. Вероятно, именно таким сосуществованием можно объяснить и стратиграфические случаи взаимного перекрывания алды-бельских и монгун-тайгинских курганов на могильнике Куйлуг-Хем I (Грач, 1980. С. 122–124), а также их планиграфическое сочетание в пределах одних некрополей (Длужневская, 1985. С. 201; Килуновская, 2014. С. 88). Характер этого сосуществования был уже обозначен (Савинов, 2002. С. 91), но антропологические исследования показывают, что культура субстратного населения сохранялась в Туве более продолжительное время, чем это представлялось ранее. Не исключено, что указанные Д. Г. Савиновым единичные случаи коллективных захоронений по монгун-тайгинскому обряду демонстрируют позднейшую фазу развития этой культуры и датируются уже концом раннескифского времени.

В связи с предположением о существовании монгун-тайгинских традиций погребальной обрядности до середины VI в. до н. э. необходимо совсем иначе рассматривать носителей алды-бельской культуры в Туве. Их ярко выраженный кочевнический характер не вызывает сомнений. Приход этих всадников в Туву сопровождался появлением здесь черешковой группы бронзовых стрел в колчанах, специфическими видами конского снаряжения, металлургией оловянных бронз. Время этого импульса не может быть раньше сооружения кургана Аржан-1, в комплексах которого отсутствуют черешковые стрелы и представлено значительное количество изделий из мышьяковой меди. Анализ керамического комплекса, известного из курганов алды-бельской культуры, показывает его чрезвычайную близость донгальским традициям финала эпохи бронзы Казахстана (Чугунов, 2015. С. 470, ил. 2, 3). На это же направление связей указывают и виды узды, найденные в алды-бельских курганах. Проникновение носителей кочевнических традиций в Туву, вероятно, проходило через Алтай. В предшествующий период и на раннем этапе раннескифского времени Горный Алтай и Тува были по сути единым историко-культурным регионом. Важно, что это подтверждается и данными антропологии, которые показали чрезвычайную близость черепов из тувинских могильников и памятников бийкенской культуры, обусловленную общим субстратом (Чикишева, 2008. С. 137). Вероятно, в начале I тыс. до н. э. было два миграционных импульса, первый из которых участвовал в качестве компонента в сложении комплекса кургана Аржан-1, а второй привел к формированию алды-бельской культуры (Чугунов, 2015. С. 457–486). Однако

сейчас можно предполагать и более ранний контакт с территорией Казахстана, следы которого на Алтае пока не фиксируются. Не исключено, что проникновение саргаринских традиций в ареал карасукской культуры проходило каким-то иным путем, возможно, при посредничестве ирменского населения Западной Сибири. Возможно, этот импульс захватил и территорию Тувы, где известна керамика, ближайшие аналогии которой находятся именно среди ирменского керамического комплекса (Рева, 1995, С. 22, рис. 1, 3).

В итоге приходится констатировать, что на рубеже II–I тыс. до н. э. в Центральной Азии, особенно в горно-степных ее регионах, этнокультурная ситуация была чрезвычайно сложной. Построение на имеющемся материале колонной секвенции культур эпохи финальной бронзы и переходного времени к раннему железному веку едва ли возможно по причине отсутствия у памятников устойчивого набора признаков. Определение круга древностей Саяно-Алтайского региона, предшествующего эпохе ранних кочевников, как монгун-тайгинская культура, безусловно, имеет право на существование, но только в понимании исследовательского конструкта, включающего в себя все многообразие типов памятников. Именно таковым может являться иджимский тип, рассмотренный выше. Не исключено, что дальнейшая разработка хронологии и периодизации культур на территории Монголии и Китая помогут вычленивать из общего массива монгун-тайгинских комплексов складывающиеся этот культурный пласт компоненты. Однако едва ли это будут «чистые» мунх-хайрханские или байтагские памятники. Такая ситуация может стать понятнее, если обратиться к исследованиям «живой» культуры горных областей — данным этнографии. Очень показательные примеры дают работы по изучению этнической истории южных районов Таджикистана или Кавказа, где на очень ограниченной территории одновременно обитали десятки разноэтничных народов, имеющих свою материальную культуру, язык и происхождение (Кармышева, 1976; Карпов, 2007; Карпов, Капустина, 2011). Относительная их изолированность была обусловлена ландшафтом долин, разделенных горными хребтами, а взаимопроникновение традиций — общей ориентированностью хозяйственной деятельности на скотоводство. Внешние импульсы способствовали смешиванию различных культур в горных областях. Этот процесс далеко не всегда можно фиксировать археологическими исследованиями, особенно учитывая специфический безынвентарный погребальный обряд, распространенный как накануне, так и, вероятно, в начале эпохи ранних кочевников у субстратного населения Центральной Азии.

Литература

- Амзараков и др., 2015 — Амзараков П. Б., Лазаретов И. П., Поляков А. В. Погребение финальной стадии эпохи поздней бронзы в истоках реки Иджим (Ермаковский район Красноярского края) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 7: археология и этнография.
- Бейсенов и др., 2014 — Бейсенов А. З., Варфоломеев В. В., Касеналин А. Е. Памятники бегазы-дандыбаевской культуры Центрального Казахстана. Алматы, 2014.
- Бехтер, Хаврин, 2002 — Бехтер А. В., Хаврин С. В. Степные бронзы из провинции Ганьсу и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и проблемы восточной линии синхронизации // Центральная Азия и Прибайкалье в древности. Сб. / ред. М. В. Константинов, А. Д. Цыбиктаров. Улан-Удэ; Чита, 2002.
- Грач, 1971 — Грач А. Д. Новые данные о древней истории Тувы // УЗ ТНИИЯЛИ. Кызыл, 1971. Вып. XV.
- Грач, 1980 — Грач А. Д. Древние кочевники в центре Азии. М., 1980.
- Длужневская, 1985 — Длужневская Г. В. Раскопки могильников Бедиг-Хорум и Сарыг-Хая III // АО 1983 года. М., 1985.
- Ермолаева, 2012 — Ермолаева А. С. Памятники предгорной зоны Казахского Алтая (эпоха бронзы – раннее железо). Алматы, 2012.
- Кармышева, 1976 — Кармышева Б. Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана. М., 1976.
- Карпов, 2007 — Карпов Ю. Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты и социальный опыт горцев Дагестана. СПб., 2007.
- Карпов, Капустина, 2011 — Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. СПб., 2011.
- Килуновская, 2014 — Килуновская М. Е. Памятники раннескифского времени Тувы (по материалам раскопок ТАЭ в 2011–2013 гг.) // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Материалы V Междунар. науч. конф. Кызыл, 15–19 сент. 2014 г. / отв. ред. Е. В. Айыжы, Р. Ш. Харунов. Кызыл, 2014. Ч. 1.
- Килуновская и др., 2015 — Килуновская М. Е., Лазаревская Н. А., Садыков Т. Р., Семенов Вл. А. Исследования Тувинской археологической экспедиции ИИМК РАН в долине р. Ээрбек // Бюллетень ИИМК РАН (Охранная археология). СПб., 2015. № 5.
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010 — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Поздний бронзовый век и начало раннего железного века Монголии в свете открытий Международной Центрально-Азиатской археологической экспедиции // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири: Материалы междунар. науч. конф. (Улан-Удэ, 20–23 сентября 2010 г.). Улан-Удэ, 2010 (Центральная Азия и Прибайкалье в древности; вып. 4).
- Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2014 — Ковалев А. А., Эрдэнэбаатар Д. Открытие в центре Евразии новой культуры эпохи развитой бронзы (мунх-хайрханская культура) // РАЕ. 2014. Вып. 4.
- Кызласов, 1977 — Кызласов Л. Р. Уюкский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры // СА. 1977. № 2.
- Кызласов, 1979 — Кызласов Л. Р. Древняя Тува (от палеолита до IX века). М., 1979.
- Кызласов, Маргулан, 1950 — Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х. Плиточные ограды могильника Бегазы // КСИИМК. 1950. Вып. XXXII.
- Лазаретов, Поляков, 2008 — Лазаретов И. П., Поляков А. В. Хронология и периодизация комплексов эпохи поздней бронзы Южной Сибири // Этнокультурные процессы в Верхнем Приобье и сопредельных регионах в конце эпохи поздней бронзы. Барнаул, 2008.
- Молодин, 2015 — Молодин В. И. Феномен бронзовых кинжалов из погребальных комплексов кротовской культуры (хронология, территория распространения, истоки) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. № 2 (62), т. 6.
- Папин, Шамшин, 2005 — Папин Д. В., Шамшин А. Б. Барнаульское Приобье в переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку. Барнаул, 2005.
- Поляков, 2009 — Поляков А. В. Положение тела погребенного в могилах эпохи поздней бронзы на Среднем Енисее // Народы и культуры Южной Сибири и сопредельных территорий: история, современное состояние, перспективы. Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 65-летию Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. 3–5 сентября 2009 г. Абакан, 2009. Т. I.
- Поляков, 2013 — Поляков А. В. Ранние этапы развития эпохи поздней бронзы Среднего Енисея // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии. Алматы, 2013.
- Поляков, Святко, 2009 — Поляков А. В., Святко С. В. Радиоуглеродные даты археологических памятников Среднего Енисея (неолит — начало железного века) // Теория и практика археологических исследований. Сб. науч. тр. / отв. ред. А. А. Тишкин. Барнаул, 2009. Вып. 5.
- Рева, 1995 — Рева Л. И. Хайыракан I — могильник эпохи бронзы // Южная Сибирь в древности / отв. ред. Д. Г. Савинов. СПб., 1995 (АИ; вып. 24).
- Савинов, 2002 — Савинов Д. Г. Ранние кочевники Верхнего Енисея (археологические культуры и культурогенез). СПб., 2002.
- Семенов, Чугунов, 1987 — Семенов Вл. А., Чугунов К. В. Роль субстрата в сложении культур скифского облика в Туве // Проблемы археологии степной Евразии. ТД. Кемерово, 1987. Ч. 2.
- Семенов, 2000 — Семенов Вл. А. Этапы сложения культуры ранних кочевников Тувы // Мировоззрение. Археология. Ритуал. Культура. Сб. ст. к 60-летию М. Л. Подольского / науч. ред. С. В. Хаврин. СПб., 2000.

- Цыбиктаров, 2003 — Цыбиктаров А. Д. Херексуры и памятники монгун-тайгинского типа (проблема культурного соотношения // Степи Евразии в древности и средневековье. СПб., 2003. Кн. 2.
- Черных, 2013 — Черных Е. Н. Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира. М., 2013. Т. 1.
- Черных, Кузьминых, 1989 — Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Азии. М., 1989.
- Чикишева, 2008 — Чикишева Т. А. К вопросу формирования антропологического состава ранних кочевников Тувы // АЭАЕ. 2008. № 4.
- Чикишева, 2012 — Чикишева Т. А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпоху неолита — раннего железа. Новосибирск, 2012.
- Чугунов, 1992а — Чугунов К. В. Некоторые данные по материальной культуре племен эпохи поздней бронзы Тувы // Проблемы археологии, истории, краеведения и этнографии Приенисейского края. Сб. науч. ст. / ред. А. М. Буровский. Красноярск, 1992. Т. 2.
- Чугунов, 1992б — Чугунов К. В. Выделение погребальных памятников аржанского этапа в Туве // Вторые исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Тез. конф. Омск, 1992. Ч. 2.
- Чугунов, 1994 — Чугунов К. В. Монгун-тайгинская культура эпохи поздней бронзы Тувы (типологическая классификация погребального обряда и относительная хронология) // ПАВ. СПб., 1994. Вып. 8.
- Чугунов, 2002 — Чугунов К. В. Херексуры Центральной Азии (к вопросу об истоках традиции) // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Сб. науч. раб. / ред. Ю. Ф. Кирюшин, А. А. Тишкин. Барнаул, 2002.
- Чугунов, 2015 — Чугунов К. В. Формирование культур ранних кочевников в Казахстане и Саяно-Алтае (к постановке проблемы) // Археология без границ: коллекции, проблемы, исследования, гипотезы / науч. ред. Е. Ф. Королькова. СПб., 2015 (Труды ГЭ; т. 77).

К. В. Чугунов

Центральная Азия накануне эпохи ранних кочевников

В статье анализируются проблемы дифференциации культур эпохи поздней бронзы Центральной Азии (Тува и Монголия) с учетом новых материалов. Автор приходит к выводу, что культурная ситуация в горных областях Саяно-Алтая была иной, чем выявляется последними исследованиями в Монголии. Синтез культурных традиций в среде горных ландшафтов проходил в более сложных условиях, что подтверждается

данными этнографии. Результаты антропологических исследований позволяют по-новому оценить вклад субстратного населения накануне эпохи ранних кочевников. Помимо двух внешних импульсов, приведших к формированию культуры номадов в регионе, прослеживается более ранний импульс, имевший место в эпоху поздней бронзы.

K. V. Chugunov

Central Asia on the eve of the Early Nomad Period

This paper analyzes the problems of differentiation of Late Bronze Age cultures of Central Asia (Tuva and Mongolia) in view of new archaeological evidence. The present author arrives at the conclusion that the cultural situation in the Sayan-Altay mountain regions differed from that shown by last investigations in Mongolia. Synthesis of cultural traditions in the conditions of mountain landscapes was

taking place in more complicated conditions and it is confirmed by ethnographic evidence. The results of anthropological studies allow us to review the contribution of the substrate population on the eve of the Early Nomad Period. Besides the two external impulses resulting in the formation of the culture of nomads in this region, an earlier one occurring in the Late Bronze Period is traceable.